

Метро 2033. Сетунь

Автор:

Анна Калинкина

Метро 2033. Сетунь

Анна Владимировна Калинкина

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Сетунь. Древнее таинственное место на территории нынешней Москвы. Предания прошлого смешиваются здесь с историями настоящего и будущего, и, несмотря на произошедшую Катастрофу, тут кипят нешуточные человеческие страсти.

Михаил с детства любит Светлану, и даже Катастрофе не удалось разлучить их. Но жизнь в метро у них не заладилась, так что они находят убежище в подвале одного из домов на берегу Сетуни. Светлана убеждена, что поблизости – старинное капище, место силы. Однако слишком поздно понимает, что сила эта – недобрая. Ведь иначе ужасам, творящимся вокруг, трудно найти объяснение. Но, может быть... может быть, люди во всем виноваты сами?

Анна Калинкина

Метро 2033. Сетунь

© Д.А. Глуховский, 2017

© А.Н. Калинкина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Речные тайны

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Когда ко мне в руки попала рукопись Анны Калинкиной под названием «Сетунь», я не просто обрадовался, а обрадовался вдвойне.

Во-первых, с Анной мы и дружим, и совместно трудимся над проектом «Вселенная метро», где ей отведена не только роль автора, но и ответственное место смотрящей за порядком. Ну, а во-вторых, однажды, еще в студенческие годы, я чуть не утонул в славной речушке под названием Сетунь, ранней весной пытаюсь перейти ее по вроде бы прочному на вид льду. Всегда считал, что можно услышать грозное предупреждение в виде потрескивания льда. Но в моем случае произошло все иначе – вот я шествовал, удалой и лихой, а вот все разом ухнуло вниз и обожгло таким густым холодом, что дыхание замерло и сердце почти остановилось. Хорошо, успел руки раскинуть и не ушел с головой. А еще хорошо, что друзья были неподалеку, сумели вытянуть.

Казалось, должен был невзлюбить с тех пор эту речку, едва меня не погубившую. Но ведь сам полез, сам и виноват. Да и в теплое время Сетунь выглядит очень живописно. Особенно весной, когда заливаается вся пойма, включая так называемую старицу – старое ее русло. Летом по берегам красота: зеленая высокая трава, полевые цветы да деревья почти как в лесу. Просто удивительно, отчего еще все вокруг не застроили там. Дома есть, но стоят не слишком плотно. Хотя с каждым годом деревьев все меньше и все ближе подступают кварталы. Купаться, правда, рискованно – вода сильно загажена,

такова уж судьба любой московской реки.

Мне, человеку, напрямую связанному со словом, всегда было любопытно, что же означает это название – Сетунь. Уж очень оно нетипичное для моих родных краев и довольно загадочное. Так и просится, конечно, от слова «сеть» что-нибудь придумать, но это будет именно что придумка, любой языковед в пух и прах разнесет ее. А еще я слышал легенду, что, мол, неподалеку от устья реки находилось древнее кладбище и родные умерших приходили туда горевать – сетовать на жизнь и судьбу. Как все легенды, эта тоже не лишена красоты и изящества, но, к сожалению, лишь легенда.

Хотя... А почему бы нам не поверить в легенду? Тем более в романе Анны Калинкиной найдется место и легендам, и людским судьбам, которые одна горше другой, но за которыми всегда брезжит надежда.

Сетунь. Одно из самых древних мест на территории нынешней Москвы. Прошлое не просто витает над Сетунию в виде преданий. Оно напрямую перемешано с настоящим и будущим. Поэтому даже после Катастрофы там бьется нить жизни и кипят человеческие страсти.

Правда, эти страсти приобретают диковинные формы. Оттого сквозь ночную мглу виден чей-то череп на столбе, да высится над рекой идол из дерева, вымазанный кровью...

Глава 1

Незванный гость

Март 2033

Михаил собирался на выход. Лана, как обычно, следила за ним тревожным взглядом. Столько лет прошло, могла бы и привыкнуть, но каждый раз смотрела так, словно он уходил навсегда. Впрочем, любой выход и впрямь мог стать для него последним. «Интересно, – вдруг подумал он, – она так привязалась ко мне

или просто боится, что если я не вернусь, лишится помощи и защиты?» Чужая душа – потемки, но он предпочитал не обольщаться. А может, она всерьез восприняла пророчества Тины, что именно в этом, 2033-м году, с ними должно случиться что-то ужасное? Вряд ли, она Тину недолюбливала и ее слова пропускала обычно мимо ушей.

Жена сощурила свои близорукие глаза – совиные, как он всегда называл их. Поправила чуть вьющуюся темную прядь – Михаил заметил, что седины у нее прибавилось, да и морщинок стало больше. И зубов во рту осталось не так уж много – авитаминоз, конечно, никому не на пользу. Но для него она была так же красива, как двадцать лет назад. Хотя и ходила сейчас в поношенной телогрейке и спортивных штанах, вытянутых на коленях, – так было удобнее, а о красоте они здесь давно позабыли. Или все же не совсем? Недаром она пытается вышивать одежды детям. Или все дело в том, что вышивает она обереги – и верит в их силу? Даже на его рубашке вышила загадочные символы. Выглядели они красиво, а какой смысл жена им придавала, Михаил не вникал. У нее самой на шее до сих пор висел серебряный амулет на простом шнурке.

Он последний раз обнял ее, потом отстранился – ее руки бессильно упали. «Другая бы перекрестила, – усмехнулся он про себя, – но это не про Ланку. Ее вера – более древняя. Наверное, она тоже молится, вот только кому? Сейчас небось пойдет советоваться с костями предков».

Мужчина ободряюще кивнул напоследок и шагнул в тамбур, натянул химзу и противогаз. Затем открыл тяжелую дверь, поднялся по ступенькам. Постоял, привыкая к темноте и вслушиваясь в то, что творилось вокруг. В кронах могучих деревьев, росших вдоль Сетуни, шумел ночной ветерок и трепал голые черные ветви. Слабо журчала внизу вода – река практически не замерзала зимой, разве что в самые сильные морозы. Поодаль виднелись кое-где среди деревьев полуразрушенные дома – там проходил Второй Мосфильмовский.

К счастью, снегопадов последние дни не было, иначе пришлось бы тропу прокладывать до ближайшего дома, а там уже и брать почти нечего. Но из-за оттепели берега реки превратились в месиво жидкой глины – тоже не очень хорошо.

То и дело вокруг Михаила сновали бесшумные тени – это охотилась стая. Подбежал Мальчик, мимоходом ткнулся носом в руку и куда-то умчался. Хороший признак – раз псы спокойны, значит, никого опасного поблизости нет.

Михаил невольно кинул взгляд туда, где за холмами и деревьями находилась киностудия. «Столько лет, – подумал он, – они все лежат там, и отец где-то среди них. Много раз я думал добраться туда – и все откладывал, боялся. Да и зачем? Разве мне станет легче, если найду его тело? А теперь уже слишком поздно – погибну раньше, чем дойду туда».

Под ногами оказался человеческий череп. Мужчина подумал, что это, наверное, останки Федора – его ведь так и не похоронили, никто не стал этим заниматься.

В кустах кто-то завозился – размером с собаку, но у собак повадка другая. Михаил, поколебавшись, поднял ружье и выстрелил наугад. Постоял, выжидая, но все было тихо. Оказалось, он уложил здорового бобра. Вокруг уже бродили сбежавшиеся на звук псы, принимались. Михаил осторожно, стараясь не уколоться об иглы, в которые превратилась шерсть безобидного когда-то зверя, отрезал голову и кинул им. Тушку убрал в потяжелевший рюкзак и подумал, что пора, пожалуй, и возвращаться. Этого мяса им дня на три хватит, а там видно будет. Удивительно – неужели бобры уже очнулись после зимней спячки, выбрались из своего жилища? Еще только начало марта, не рановато ли? Добыча не очень-то его порадовала, хотя бобра они съедят, конечно. А из бобровой струи сделают настойку, которая, как говорил когда-то дядя Гена, ныне покойный, лечит чуть ли не все известные болезни. Михаил не особо верил в это в отличие от остальных. А сам он почему-то убежден был, что лишить жизни этого зверя – плохая примета. Может, оттого, что помнил – «убить бобра» означало прежде либо добыть что-то ценное, либо, наоборот, обмануться в расчетах и выбрать из всех вариантов худший. И подозревал, что в его случае верно как раз второе. «Убил бобра – не жди добра», – сказал себе Михаил. Хотя это Ланке пристало верить в приметы, а ему такая мнительность была вовсе не к лицу. Неподалеку хрустнула ветка, и мужчина сразу насторожился, ругая себя за беспечность. Старееет он, что и говорить; скоро, видно, и на охоту ходить не сможет, или сложит в один прекрасный день буйну голову на этой самой охоте. А точнее – в одну прекрасную ночь. На собак надежды мало, они тоже стали трусоваты, и винить их за это нельзя.

Вдруг он уловил подозрительный звук. Это не был шорох ветра в листве. Совсем рядом хрустнула ветка. Михаил насторожился, вновь поднимая ружье. Замер, вглядываясь. Тут лунный луч пробился сквозь густые кроны, и он увидел чуть ли не у своих ног человека. Тот пытался ползти, но получалось у него неважно. А собаки, не обращая на незнакомца внимания и ворча, сбились в кучу над головой бобра.

«Вот тебе, тятя, и мясо на обед, – мысленно присвистнул Михаил. – Называется, сходил за хлебушком. Вот уж действительно – убил бобра».

Мысли лихорадочно сменяли одна другую. Что теперь делать? Чужих Михаил не любил. Но оставить неизвестного в таком беспомощном состоянии и просто уйти тоже невозможно, хотя искушение было сильным. В подсознании крепко засело прошлое – клятва Гиппократа, которую студенты все еще называли по старинке, хотя официальное ее давно уже переименовали. И прочие предрассудки, которые, конечно, в новых условиях никакого значения не имели, но избавиться от которых было ох как непросто. Если бы на его месте был Рустам, тот наверняка не колебался бы. Огрел бы беднягу чем-нибудь тяжелым по голове, а труп сбросил в реку от греха подальше. Парень с детства был убежден, что дом – это крепость, а любой чужак – враг.

Откуда посторонний вообще здесь взялся? Из метро? Но до любой ближайшей станции отсюда было не меньше километра. Да еще по такой пересеченной местности, что далеко не всякий сумеет преодолеть. А может, дело обстоит еще хуже. Может, он один из тех, что приходят непонятно откуда и устраивают охоту – вовсе не на мутантов, а на себе подобных? Но почему, в таком случае, свои его бросили? Приглядевшись, Михаил решил, что химза неизвестного вовсе не похожа на униформу ночных охотников, хотя сомнения на этот счет у него остались.

Понаблюдав еще немного, как бедняга слабо загребает смерзшийся снег руками, Михаил наклонился и осторожно коснулся его плеча. Неизвестный дернулся, словно от тока, а потом рухнул и больше не шевелился.

«Отмучился, что ли? Может, закопать его где-нибудь в ямке? И никому ничего не говорить?» Но в глубине души Михаил знал, что не сделает этого, не сможет. И, кляня себя за мягкость характера, мужчина взвалил тело на плечи и понес в сторону убежища.

Когда он втащил неизвестного внутрь и снял с него химзу, то увидел, что тот был примерно его ровесником – можно было дать ему лет сорок с гаком. Раньше, наверное, его можно было бы даже назвать красивым, но перенесенные лишения наложили свой отпечаток на внешность. В темно-русых волосах обильно проступила седина, возле носа залегли глубокие складки, кожа была сероватого оттенка, что очень не понравилось Михаилу. Человек был явно

сильно истощен и плохо соображал, что происходит – на секунду открыл глаза, непонимающе уставился на своего спасителя и снова потерял сознание. Михаил распахнул дверь и шагнул из тамбура в главное помещение. Дом, милый дом – выкрашенные когда-то серой масляной краской стены, в середине сколоченный из досок уже после Катастрофы стол, который по мере необходимости отодвигался к стене, когда в холодное время все ночевали в общем зале; вокруг стола разномастные стулья. Несколько человек, сидевших за столом, тревожно смотрели на него.

– Ну и чего вы переполошились, – наигранно-бодро сказал врач, прислонив найденного к стене – тот все время норовил завалиться на бок. – Вот такой сегодня улов. Подлечим, тогда и узнаем, кто и откуда. Лана, Гуля, возьмите мясо, а я этого беднягу в свободной комнате устрою. А где Гарик?

– Спит, у него нога опять разболелась, – выглянула из соседнего отсека Тина. И, застыв, уставилась на раненого.

Тихая Гуля, как всегда, без лишних расспросов подошла и без видимых усилий потащила в пищеблок тяжелую тушку животного, стараясь не уколоться об иглы, кинув мимоходом взгляд исподлобья на раненого. Что было в этом взгляде – страх, жалость?

– Это кто? – спросил Рустам. В раскосых глазах видна была настороженность, парень явно не понимал, зачем чужака притащили в убежище. Он по-хозяйски обнимал Наташку, которая с любопытством, но без страха разглядывала чужого человека. Джаник на всякий случай держался за спиной старшего брата. А красавица Сакина, как всегда, лишь безмятежно улыбалась, потряхивая черными косичками.

– Он умрет? – пискнула Ирка.

– Конечно, – тоном умудренной женщины сказала семнадцатилетняя Наташка. А Максим молча глядел на незнакомца, но в темных, как у матери, глазах плескался ужас.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Михаил. Его раздражала Наташкина самоуверенность, ее стремление оставить последнее слово за собой. Вот и сейчас ведет себя так, словно она умнее всех, хотя, по сути, младше Ирки на

несколько месяцев, и не пристало ей корчить из себя всезнайку. Не мог он привыкнуть к мысли, что эта долговязая девчонка – тоже его дочь. И дело было не в ее изъяне – возможно, в характере, который та явно унаследовала от матери. А скорее всего, в матери и была причина – не любил Михаил Тину и жалел о том, что когда-то произошло между ними. Да и не похожа была на отца Наташка. У него – нос чуть ли не картошкой, невыразительное лицо и волосы какие-то серые, с обильной проседью. Ей достался от матери прямой носик, красивые русые волосы, которыми она очень гордилась и подолгу расчесывала, заплетая в косы, и большие серые глаза. Можно было бы назвать ее красавицей, если б не ее руки.

Ланка подошла, взгляделась в бледное лицо – и вдруг вздрогнула.

– Ты чего? – спросил Михаил.

– Да нет, так. Зябко что-то. – Женщина судорожно поежилась. Михаил понимал – врет. Неужели она узнала этого типа? И если да, то почему не хочет сказать об этом? Но он уже знал ее и понимал, что если она решила молчать, то выпытывать что-либо бесполезно. Оставалось только ждать.

«Убил бобра – не жди добра», – сжав зубы, напомнил себе он.

Неизвестный не спешил приходить в себя. Словно истратил все силы на то, чтобы сюда добраться – и измученный организм отомстил. Михаил в глубине души побаивался, что тот может и вовсе не оправиться. Нельзя сказать, чтобы это его особенно огорчало, но в таком случае не стоило и тащить бедолагу в убежище.

Дежурили возле него все три женщины бункера по очереди. Но Михаил заметил, что Тина делала это охотнее других, и даже, как ни странно, иной раз сама вызывалась подменить на дежурстве Гулю – мол, та куда лучше управляется на кухне, потому грех отрывать ее от приготовления пищи. Это заставляло задуматься – Тине прежде такая забота о ближних была совсем не свойственна.

Гуля, наоборот, под любыми предлогами старалась отвертеться от обязанностей сиделки – и это тоже было удивительно. Больной был в беспамятстве и особого ухода не требовал, разве что иногда надо было поить его водой или бульоном и

давать лекарства. Потому, по мнению Михаила, сидеть возле него было не в пример легче, чем управляться по хозяйству. Еще туда часто заглядывал Максим, и это лекарю совсем не нравилось. Мальчик слишком большой интерес проявлял к внешнему миру, это пугало. Он еще не понимал, что безопасность – здесь, а там, снаружи, одни беды.

– Ну, как наш раненый? – спрашивал Михаил сына. Он и сам осматривал беднягу по несколько раз в день, но вдруг мальчик застанет тот момент, когда больной придет в себя.

– Никак. Иногда шепчет что-то.

– И что?

– Непонятное. Про какого-то фараона... Это ведь древние цари, да, папа? Те, что жили в пирамидах? Помнишь, ты рассказывал...

– М-да, кто о чем, – буркнул себе под нос Михаил. – Не жили они в пирамидах, их там хоронили. Однако, крыша у людей едет капитально. Кто на Моране-смерти заклинился, а этот на фараонах съехал... Ладно уж как те, на древних славянах... – Он кивнул в ту сторону, где находилась Сетуньская крепость. – А фараоны-то тут при чем?

Может, не стоило рассказывать мальчишке историю древнего Египта? Зачем это нынешним детям? Тем более их детям, которые, кроме бункера и ближайших оврагов, ничего и не видели. И возможно, никогда не увидят. От этих историй у них тоже может съехать крыша. Но чем было заниматься долгими вечерами? И Михаил как умел старался передать детям знания – вдруг все же им удастся выжить и нарожать своих, и рассказать им, в свою очередь, о том, как был устроен мир и как он пришел к концу. Хотя, кажется, знания отложились у мальчишки в голове очень своеобразно. Впрочем, может, все это зря? Скорее всего, остатки человечества потихоньку вымрут, и на обломках будет долго зарождаться новая жизнь, и когда-нибудь, когда новые люди станут интересоваться, что было тут до них, они тоже начнут копать в остатках былой цивилизации, пытаясь догадаться, какое назначение имел тот или иной предмет. Кочевавшие здесь племена оставили после себя каменные наконечники стрел и копий, а что оставят они? Сколько там времени разлагаются пластиковые пакеты и табачные окурки?

– А кто на Моране заклинился? – раздался вдруг голос Ланы. Как она успела подобраться так незаметно? Михаил и не знал, что она слушает их разговор. Впрочем, тут, в убежище, где многие комнаты представляли собой, по сути, отгороженные досками пространства, звукоизоляция была понятием условным. Никогда нельзя было знать, сколько человек слышит в данный момент твои слова. И очень трудно было скрыть что-то от детей – они шныряли по убежищу, как тени, взрослые натыкались на них в самых неожиданных местах. Ох уж этот Джек Лондон – после того как Тина прочла им его рассказы, подрастающее поколение помешалось на игре в индейцев. Ну что ж, должно же быть у них детство, чем им еще занять себя, особенно после того, как взрослые решили, что отныне брать их с собой наверх опасно. Один Рустам, как самый старший, иногда выходил на поверхность, чем очень гордился перед остальными.

– Да это я так, не обращай внимания. – Михаил постарался говорить безразличным тоном, но обманет ли это его жену? Когда столько лет живешь бок о бок, начинаешь слышать и то, что не было сказано вслух. Он мысленно прикинул, закончился ли тот срок, который дали ему? Они сказали – у тебя есть год, а после этого жди нас в любой день. Мы придем за тобой и твоими щенятами. Значит, теперь в любую минуту можно ожидать незваных гостей.

А тут еще Ланка, которая слишком часто навещает больного, слишком внимательно смотрит на него. Михаил нервничал. Неужели какой-то ее знакомый из прежней жизни, о котором он не знал? Надо отдать ей должное, Ланка умела хранить свои тайны. Может быть, это даже тот самый тип, из-за которого в конечном счете они и оказались тут? Вот была бы насмешка судьбы.

Даже если просто знакомый – все равно радости мало. Теперь уже почти не осталось вокруг людей, знающих, что Ланка – его сводная сестра, хотя они не кровные родственники. Неужели снова придется пройти через это – недоумевающий взгляд, неодобрительное покачивание головой – «Ну вы, ребята, даете!» Ему-то ладно, он привык, а вот Ланка... Тем более что она его не любит. Ну, может, за столько-то лет привыкла, привязалась на свой лад, оценила его заботу. Но это не любовь.

А он сразу, как только увидел ее – еще полуторагодовалой малышкой – понял, что это самый главный в его жизни человек. Понял раз и навсегда. Она уставилась на него своими сонными совиными глазами, потом подошла поближе. Он, пятилетний, присел перед ней на корточки, а она вцепилась ему в волосы и уверенно сказала: «Мое!» Так оно и вышло, что с тех пор и навеки он

принадлежал ей весь, с потрохами. Взрослые любили потом, смеясь, вспоминать эту сцену. А он и так все помнил, хотя, казалось бы, в таком возрасте память еще детская. Но, видно, самое важное отпечатывается в ней прочно.

Вот чего он не помнил – так это в какой момент папа сказал ему, что теперь они будут жить вместе с тетей Соней и маленькой Светланой. До этого они жили одни, сами по себе – мать его умерла, когда ему было два года, а до этого долго болела. Им помогала бабушка, мать отца. Тот не верил, когда Михаил рассказывал ему, как подходил к маминой постели, как она гладила его по голове. Он считал – ребенок выдумывает, не могло у такого малыша сохраниться что-то в памяти.

А к тете Соне они ходили в гости. Кажется, у тети Сони был муж, но очень быстро куда-то делся. И они стали жить одной семьей.

Михаил, в общем, против тети Сони ничего не имел. Правда, мамой ее звать так и не научился. Она была высокая, худая, нервная, много курила. Работала на находящемся неподалеку «Мосфильме» помощником режиссера. Иногда водила туда их с Ланкой, но ненадолго и всегда велела сидеть тихо, пока они работают. Михаилу нравилось гулять по территории киностудии, где иной раз будто оживали улицы прошлых веков – с невысокими нарядными особнячками и с конными экипажами. А порой снимали фильмы про войну, и в павильоне то и дело что-то бухало и взрывалось. Но то, что творилось на съемочной площадке, казалось неестественным, и смешили замечания режиссера, особенно когда требовался не один дубль. Забавляло, как на съемках исторического фильма один из помощников настойчиво кричал в микрофон наряженной в поддевки и пышные, метущие землю платья толпе женщин: «Массовка! Крестимся справа налево! Не забудьте! Справа налево». Михаил не удержался, фыркнул, помощник неодобрительно посмотрел на него. Иногда их с Ланкой тоже привлекали к съемкам, когда по сюжету требовались дети. Из маленькой Ланки получался совершенно очаровательный мальчик. Но она быстро уставала и начинала капризничать. И тетя Соня говорила: «Актрисы из нее не выйдет – и слава богу. Тяжелая это профессия и зависимая». Михаил тогда брал сестру за руку и шел с ней гулять. И думал, что у тети Сони тоже зависимая профессия, однако мысли свои держал при себе. Ему тоже не хотелось быть актером. Он с детства решил, что станет врачом. А пока тренировался на кошках да подбирал и пытался выкормить выпавших из гнезд по весне птенцов – правда, не всегда успешно.

Само место, где они жили, располагало к общению с природой. Сетунь была одним из немногих притоков Москвы-реки, не заключенных в коллектор. Михаил помнил, как удивлялись друзья из других районов, заглянувшие к нему в гости, тому, что совершенно свободно течет небольшая мутная речка среди холмов так недалеко от центра Москвы и набережной, убранной в гранит, а по берегам ее стоят вековые деревья. Вода в реке была коричневой и пахла канализацией, но, несмотря на это, здесь все же водились утки, а выше по течению, по слухам, жили бобры, и рыбаки ловили щук. Этот зеленый язык – долина Сетуни – начинался напротив стоявшего на другом берегу Москвы-реки Новодевичьего монастыря и примыкал к Парку Победы, от которого его отделяла железная дорога – за ней пролегал уже Кутузовский. Там же проходила и Филевская, открытая, ветка метро. С другой стороны реки вдаль уходила Мосфильмовская, где и располагались павильоны киностудии, а ближе к Сетуни прятались улицы поменьше – Пырьева, Пудовкина. Они разбегались по склону оврага, где текла река и кое-где из-за крутизны спуска даже были построены лестницы. С третьего транспортного кольца, если ехать на машине, эта зона выглядела сплошным зеленым морем, из которого торчали особо выдающиеся здания, например, небоскреб на Мосфильмовской. Строительство здесь было ограничено самим рельефом. Сетунь воистину была районом контрастов. Если на вершине какого-нибудь холма находился элитный дом, это не исключало замусоренных обрывистых склонов в двух шагах от него и покосившихся ржавых гаражей. За кованой оградой, окружавшей дом, радовал взоры аккуратно подстриженный газон, а чуть ниже, у реки, сплетали ветви заросли кустарника. Но видно было, что за деревьями все же следили и спиливали трухлявые и больные. В этом районе можно было набрести и на обветшалые домики конца прошлого века – когда-то Сетунь была дачным местом. Для маленького Миши и его друзей здесь был просто рай, зеленые джунгли – бродя по берегам, они натыкались то на остатки фундамента каких-то неведомых строений – раньше здесь, кажется, стояли кирпичные заводы, то на часть бетонной стены, которая неизвестно что и когда огораживала, то на огромную яму, где скапливалась дождевая вода. Вдоль Сетуни тянулись огромные трубы, иногда перекидываясь на другой берег. Странная, неряшливая речка – то ли оазис в сердце города, то ли свалка. Судя по поставленным тут и там щитам и надписям на них, она считалась все-таки заповедником. Если идти вдоль нее, причудливо вихляющей, долго-долго по правому берегу, вверх по течению, мимо кованых оград и бетонных стен, то можно было выйти к круглому дому на Довженко. Вроде бы таких домов хотели построить пять – по принципу олимпийских колец, но что-то не срослось. А еще дальше располагался небольшой парк и правильной формы пруд, в котором, впрочем, не советовали купаться, но несмотря на это, кто-то все же вроде ухитрился утонуть. А вдоль левого берега тянулась изгородь, которая потом

обрывалась и начинался вообще дремучий лес. Мишкин друг Колька уверял, что прогулялся там как-то, и что места там совершенно заповедные, джунгли просто, а среди деревьев вьется по берегу полусгнившая деревянная дорожка, по которой явно уже лет сто не ступала нога человека. И пусть лес был не таким уж большим, и известно было, что за ним-то и проходит железная дорога, а еще чуть дальше шумит Кутузовский, все равно места эти казались заколдованным царством. По берегу Сетуни можно было идти чуть ли не с километр и никого не встретить по пути. А потом опять начиналась цивилизация – реку пересекала улица Минская, по которой сплошным потоком неслись машины. В общем, Сетунь была задворками, до которых до поры до времени не доходили руки. Недаром и весь район вокруг назывался Потылихой. Тому, чтобы как-то освоить его и проложить здесь, например, трассу, противились не только жители – сама местность, казалось, была против.

Да еще это странное название, неизвестно откуда взявшееся – Сетунь. Кто-то рассказывал Михаилу, что якобы по берегам реки располагались в прежние времена могильники, где были похоронены те, кто пал в боях, и безутешные родственники приходили сюда, на холм, оплакивать их и сетовать на судьбу. О каком холме шла речь, понять тоже было трудно – их вокруг было в изобилии.

Неподалеку от их дома на берегу было еще одно интересное место – Сетуньский Стан. Надо было только спуститься к мосту, перейти речку, а затем – вверх по дорожке и направо, по улице, на другой стороне которой стоял высотный дом. Вдоль реки тянулись пустыри, заваленные щебенкой, а затем начинался огороженный тыном участок. Там собирались каскадеры. Так же, как и актеров, их словно окружал особый ореол, хотя Михаилу они казались самыми обычными людьми. А вот кое-кто из его друзей, насмотревшись на тренировки, тоже решил податься в эту профессию – тот же Колька, например. И не пугали его рассказы о тех, кто покалечился на съемках и стал никому не нужным инвалидом. Не волновали и увещевания, что надо думать о будущем, что всю жизнь каскадером не проработаешь, да и с пенсией будут проблемы. Ну кто в их возрасте думает об этой самой пенсии? И несмотря на уговоры родителей, которые призывали его готовиться к поступлению в институт, он после школы бегал на Сетуньский стан – тренировался либо крутился возле старших, слушая их рассказы. Те, кто решил устроить здесь базу, сами расчистили берег от мусора, оборудовали сиденья для зрителей и превратили захламленный уголок в парк для тренировок и развлечений. Пара старых кирпичных домов органично вписывалась в пейзаж, тут и там стояли древние детища отечественного автопрома, вкопаны были в землю какие-то брусья, шины, имелась и сцена. Это местечко на обрывистом берегу реки выглядело диковинным заповедником среди окружающих

девятиэтажек и промзон – входящий словно в другой мир переносился. Журчание реки внизу, тень от могучих старых деревьев, покрытые мхом камни на берегу, обветшалые кирпичные стены... Многим среди стекла и бетона современных новостроек не хватало именно этого. Здесь как-то особенно ощущалось, что место это существует очень давно. «И будет существовать, – думал Михаил, – когда от нас уже и следов не останется». Именно здесь их далекие предки и обитали давным-давно – ловили рыбу, охотились на зверей по берегам реки при помощи луков и стрел, наконечники которых угадывались порой в очертаниях острых камешков под ногами. Река кормила их, защищала от врагов. И была она тогда наверняка прозрачной и чистой – а не бурой, как в последние годы перед Катастрофой, когда в нее спускали отходы производства. Теперь, через двадцать лет после того, как навеки остановились все заводы, река снова начинает оживать – но те годы не прошли для нее даром. И новая живность, населяющая ее, сильно отличается от прежней. Михаил вздохнул – видел бы это Колька. Интересно, что с ним случилось, где он оказался в тот роковой день? Надо смотреть правде в глаза – скорее всего, погиб, как большинство горожан. Наверное, он мудро поступал, не строя грандиозных планов на будущее и занимаясь тем, чем хотелось в данный момент. Успел сняться в нескольких эпизодах в массовке, успел сходить в армию и вернуться; даже, кажется, собирался жениться. По крайней мере, получал удовольствие от жизни, пусть так немного и было ему отпущено.

В детстве Михаил тоже нередко приходил на Сетуньский стан, чтобы поглядеть на каскадеров, на реконструкторов в их вышитых рубахах и налобных повязках. Они даже обустроили здесь старинную княжескую усадьбу. Парк можно было свободно посещать любому, если не намечалось никаких мероприятий. Вот и его сводная сестра, когда подросла, стала забегать сюда. Ланку, казалось, больше всего привлекали проводившиеся здесь фестивали огня. Михаил понимал, что, конечно, байкер на горящем мотоцикле – зрелище для девушки неотразимое, но сам он относился к этому занятию с цинизмом медика. Укротители огня могли сколько угодно толковать о невероятных ощущениях власти над стихией, но он-то знал, чем иной раз это заканчивается. Знал и про одну красавицу, выступление которой обернулось ожогами – такими, что попала в реанимацию. Причем довольно сильно было обожжено и ее лицо – прежней ей уже не бывать. Интересно, после случившегося она все равно не жалела о своем увлечении? И пусть произошло это не здесь, Михаил был убежден, что любые игры с огнем до добра не доводят. К счастью, Ланка не рвалась попробовать, предпочитая смотреть со стороны.

Впрочем, раздавались по поводу этого парка и недовольные голоса любителей старины. Мол, реконструкция – это прекрасно, да и тренировки для детей – тоже неплохо, пусть делом занимаются, а не бегают, где попало, но зачем же было устраивать свой полигон как раз на том месте, где в древности была стоянка первобытных людей и до сих пор иной раз находят каменные орудия и кости? При этом никого не смущало, что древнее городище и так застроено, как и многие другие по берегам Москвы-реки и Яузы. Ланка одно время тоже сдвинулась на этом, вышивала себе крестиком рубаху, сшила сарафан, голову повязывала лентой. И могла часам бродить по берегу, глядя под ноги. В итоге ей и вправду удалось найти несколько странных камней, словно бы носивших следы обработки. Она бережно их хранила, иногда раскладывала перед собой и задумчиво перебирала. Михаил называл это – «Посоветоваться с костями предков». Еще она рассказывала ему, как где-то выше по течению Сетуни ковш экскаватора разрушил курган, где были обнаружены два скелета – мужской и женский.

«Что же это они, как по заказу, вместе? Жили долго и умерли в один день?» – удивился Михаил. Его тайны человеческого организма интересовали больше, чем загадки прошлого.

«Просто когда погибал муж, жена иногда считала, что лучше последовать за ним», – пояснила ему сводная сестра, как несмысленному. Правда, потом он в какой-то передаче услышал, что не всегда жена следовала за мужем добровольно, иной раз ее просто убивали у него на могиле.

«Знаешь, – говорила Ланка, перебирая свои камни, – я уверена, что души тех, кто здесь жил когда-то, до сих пор бродят по этим холмам. Иной раз у меня такое чувство, будто я на берегу не одна, хотя вокруг никого не видно. Мне даже кажется, я вспоминаю иногда что-то из прежней жизни. Если лечь на траву и глядеть в небо, кажется, что все это уже было давно и теперь повторяется».

Михаил ворчал, что лучше бы ей не гулять в одиночку по берегам и вообще поменьше читать на ночь Эдгара По и Лавкрафта, иначе скоро она начнет вздрагивать от малейшего шороха и в шуме листвы ей и впрямь будут слышаться голоса, а там и до психушки недалеко. Она обижалась, а он, разглядывая грубо обработанные наконечники стрел, которые сводная сестра складывала в коробку, удивлялся. Ведь эти камни лежали здесь несколько тысяч лет – и в сущности, весь этот немыслимый срок пролетел как один день. Его завораживала мысль, что он трогает орудия, которых касалась рука человека,

жившего в незапамятные времена. И понемногу прошлое начинало для него оживать – возможно, благодаря Ланке. Он пытался представить, какие жилища строили предки, как оборонялись от хищников и от врагов – судя по изобилию каменных наконечников, и тех, и других вокруг хватало. Думал ли он тогда, что когда-нибудь и сам выйдет на охоту на берег Сетуни – словно время повернуло вспять?

В детстве Михаил с Ланкой были очень дружны, что не мешало им иной раз драться. Он носил ее портфель, поскольку учились в одной школе, только в разных классах. И их даже не дразнили – все знали, что это брат и сестра. Но он был твердо уверен – когда вырастут, она станет его женой. И однажды сказал ей об этом. Ланка поглядела на него этими своими совиными глазами – они как раз стояли на берегу Сетуни. Была весна, зелень скрашивала окружающие реку нагромождения строительного мусора, пели птицы. Михаил с тревогой ждал ее ответа. Но она только улыбнулась и обняла его, и он почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Неумело ткнулся в ее щеку губами. До окончания одиннадцатого класса ему оставался год, ей – три.

Целый год он чувствовал себя счастливым. Без особого труда поступил в медицинский, как и хотел. Но когда наступила следующая осень, Ланка словно бы стала избегать его, будто тяготила опека сводного брата. У нее завелись подружки и друзья, с которыми она где-то пропадала целыми днями. Михаилу в их компании места не было. Ему казалось, что Ланка нарочно так себя ведет и из вредности демонстративно кокетничает с другими, пробуя свою женскую силу. Тетя Соня, также обеспокоенная Ланкиным своевољством, просила Михаила приглядывать за ней, и он широко этим пользовался. И не раз, обнаружив ее на берегу Сетуни в компании старших парней, уводил домой, невзирая на ее возмущение и протест окружающих.

– О чем ты думаешь? – злился он. – Тебе вот-вот школу заканчивать, а у тебя одни тройки. Как ты собираешься поступать?

– Я вообще никуда не хочу поступать, – кричала она. – Как ты не понимаешь, глупо загадывать сейчас даже на месяц вперед. Мир, может, доживает последние дни. Наоборот, в такое время людям надо быть вместе.

– Да ты совсем с ума сошла с этим индейским календарем! – возмущался он. – Может, они просто вырубать его на камне устали, а ты уже вообразила, что это – пророчество. Думаешь, конец света все спишет?

Почему не пришло ему тогда в голову спросить себя – кто внушает ей все это? Почему он не заподозрил, что у нее кто-то появился?

Роковая дата – 21 декабря 2012 – наступила и прошла. Конец света не случился. Михаил торжествовал. Но Ланка и не думала браться за ум.

Однажды тетя Соня услышала, как он кричал на Ланку. Наверное, он слишком резко говорил со сводной сестрой, но после этого ее мать как-то странно стала поглядывать на него – или так ему казалось? И однажды, отводя глаза, сказала, что после окончания школы Светочка поедет учиться в Питер.

– Почему? – спросил он тогда.

– Там есть знакомые. Тетя Наташа поможет, она всех там знает.

Что такого было в Питере, чего нет в Москве? Чему там могла научиться Ланка? Он не обольщался на ее счет, знал, что она ленива и к упорному труду не способна. Ее мать хотела, чтобы Ланка училась на искусствоведа – разве это профессия? А Ланке, похоже, вообще ничего не хотелось, только бы и дальше бродить по берегам в своих расшитых рубахах и сарафанах и грезить о былых временах. Нет, он даже мог ее в чем-то понять. Ему самому казалось, что жизнь слишком сложна и неплохо было бы вернуться назад, к природе. Но как насчет заботы о хлебе насущном? И кто присмотрит за ней в Питере? Но тете Соне Михаил эти вопросы задавать не стал, чувствуя, что ни к чему хорошему это не приведет. Он к тому времени учился на втором курсе, но для себя решил, что если Ланку отправят в Питер, то и сам он уедет следом. Иначе с ней там что-нибудь непременно случится нехорошее. Но отъезд ее все откладывался.

– Ты уверена, что тебе туда надо? – спросил он как-то ее осторожно. – Ты привыкла здесь, тебе там будет тяжело.

– Отстань от меня, – вдруг резко крикнула она. – Как же вы все меня достали. Я, может, скоро вообще из дома уйду!

– Куда?

– Замуж выйду, – огрызнулась Ланка.

Вправду ли она собиралась замуж, он так и не узнал – через несколько недель случилось то, что резко изменило их планы. Они хотя бы уцелели, им повезло. Впрочем, как знать, можно ли было считать это везением?

Глава 2

«Есть ли жизнь за МКАДОМ?»

Михаил любил охотиться зимой и ранней весной. Особенно когда выпадал снег и были видны следы, а деревья стояли голые и можно было что-то разглядеть поодаль. Единственный минус – иной раз снегу наваливало столько, что идти приходилось с большим трудом, но на этот случай имелись у него лыжи, раздобытые в одной из опустевших квартир. Он вспомнил, как раньше, бывало, ругались они на коммунальные службы, не справлявшиеся со снегопадами, а теперь вот с ностальгией подумал о маленьких, похожих на деловитых жуков, снегоуборщиках. Все-таки они делали свое дело, расчищали дороги – нынче или ломись по сугробам, или сиди дома и жди, пока все само растает.

На этот раз он решил перейти по чудом сохранившемуся мостику на ту сторону реки, в сторону Сетуньского стана. Там, на холмах, среди руин иной раз кормились зайцы. Что уж они там ели – остатки сухой травы, торчащие из-под снега, или корни какие-нибудь в теплую погоду выкапывали, он не знал. Нынешние зайцы не очень были похожи на прежних, но мясо у них отличалось отменным вкусом. Михаил старался не думать о том, в кого они сами превратятся, питаясь таким мясом, и утешал себя тем, что чем дальше от центра города, тем вроде бы фон слабее.

Но сегодня ему не везло. Увязавшийся за ним Мальчик вспугнул одного зайца, но Михаил в него не попал. А пытаясь перелезть через бревно, поскользнулся, упал и сильно ушиб ногу. Он уже хромал обратно к мосту, когда со стороны бывшего стана послышался хруст и треск. Кто-то, видимо, привлеченный звуком выстрела, целенаправленно продирался к нему через кусты – и у Михаила были все основания постараться избежать встречи с неизвестным. Хаски, обычно бойкий и злой, неуверенно поджал хвост и пятился, тихо ворча и вздыбив шерсть на холке. Михаил спешил изо всех сил, вот уже позади остался мостик,

осталось преодолеть подъем – и будет вход в убежище. Но то, что сзади, уверенно его нагоняло. Уже слышно было тяжелое сопение – чудовище будто принюхивалось к его следам. Мальчик, словно щенок, жался к ногам человека и тихо скулил. Михаил, выбиваясь из сил, хромал к заветной двери: если его сожрут, все остальные просто не выживут – в бункере останутся женщины, дети, Гарик и больной, который вообще ни на что не годен. Запас продуктов не так уж велик, и они просто перемерут с голоду. Эти мысли придали ему сил и, наконец, он чуть не рухнул возле входа в убежище. Торопливо постучал условным сигналом, и его впустили. Оглянувшись в последний момент, он увидел метрах в двухстах безобразную морду в бородавчатых наростах с красноватыми глазами, в темноте угадывалось массивное туловище. Голова будто утопала в плечах, складки кожи защищали зверя, делая практически неуязвимым. Чудовище торопилось по следам человека. Михаил вздрогнул и с трудом подавил желание перекреститься – справа налево, как учили тогда, еще в прежней жизни, на съемках. Он протиснулся в дверь, отпихнув Мальчика, которому явно хотелось нырнуть туда вслед за ним, и накрепко ее запер. Через несколько минут он услышал глухой удар – такой, что задрожали стены, и сверху посыпалась пыль. Михаил, пройдя в тамбуре дезинфекцию, то есть сняв химзу и ополоснувшись под тонкой струйкой ржавой воды, вышел в общую комнату – и все взгляды обратились на него.

– Ничего, – сказал он, силясь улыбнуться, – дверь выдержит.

Словно в ответ на это, раздался новый удар. Зверь явно не спешил убираться от места, от которого исходил вкусный запах добычи. Потом раздались скребущие звуки – возможно, тварь пыталась расковырять землю.

– Ай, – вскрикнула Ирка. – Оно хочет прорыть ход к нам.

– Не пищи, трусиха, – презрительно осадил ее Наташа, махнув рукой с шестью растопыренными пальцами. – Чем громче будешь орать, тем быстрее оно сюда придет.

Тем не менее она, словно невзначай, подвинулась поближе к Рустаму. Михаил опять отметил про себя, что Наташка, младшая, ведет себя с Иркой слишком бесцеремонно, и вновь почувствовал угрызения совести. Ведь обе – его дочери, пусть и от разных матерей, почему же он так любит одну и не любит вторую? Словно уловив его недовольство, подошла Сакина, безмятежно потерлась щекой об его руку. Ее всеобщая тревога явно не волновала. Одного взгляда на ее

красивое лицо было достаточно, чтобы слегка успокоиться. Михаил машинально погладил девочку по темным волосам. Интересно, о чем она думает, и думает ли вообще? Явно толком не осознает происходящее. Можно даже в чем-то позавидовать ей – такая и собственной смерти не заметит. А вот Джаник явно перепуган, хоть и старается не показывать виду.

– Кто это, дядя Миша? – спросил Рустам, сощурился и без того узкие черные глаза. – Помолчите, женщины, – бросил он Ирке и Наташе, и забавно было слышать такие слова от парня семнадцати лет. Вернее, было бы забавно, если бы не отчаянное положение.

Максим вопросительно глядел на отца. Ланка подошла, молча потрепала сына по затылку.

– Не знаю. Таких здесь еще не видел. Пасть – как чемодан. И не отвяжется теперь, – пробормотал Михаил. – И как назло, ничего добыть сегодня не удалось.

Небольшой запас у них еще был, дней на пять хватит, а за это время, может, тварь поймет бесплодность своих попыток и уберется? Но Михаил, вспоминая, с какой силой тяжелая туша ударилась в дверь, в глубине души сомневался в неуязвимости их убежища. И хуже всего было то, что он сам притащил монстра на хвосте, привел прямо к порогу.

– Что у тебя с ногой, – вдруг спохватилась Тина.

– Да ничего, ушиб немного, – сморщился Михаил.

– Пойдем в лазарет, я посмотрю, – скомандовала Ланка, бросив на Тину неприязненный взгляд. Та ответила ей тем же.

Когда Михаил, кривясь от боли, стянул штаны, он увидел на бедре огромный синяк. Ланка осторожно ощупала ногу, перевела дух:

– Перелома вроде нет. Но приложился ты знатно.

Она достала самодельную мазь на травах и обильно намазала место ушиба.

Михаил, оглянувшись на койку, где лежал спасенный, вдруг встретил его внимательный взгляд.

- Где я? – слабым голосом спросил тот.

Михаил сначала думал, что этот их гость – тоже из метро. Как тот, которому он помог отбиться от тварей несколько лет назад. Тогда, зимой, Михаил взял с собой Гарика и они дошли до самой Москвы-реки, где встретили мужчину на набережной – того преследовали дикие собаки. Что ему понадобилось в районе, где и магазинов-то не было, лишь одни парки, оставалось неясным. Михаилу и раньше иной раз случалось видеть людей, но подходить первым он не спешил. Вмешивался лишь тогда, когда видел, что человек беспомощен. Однажды, например, он нашел умирающего, который заплетаящимся языком умолял его передать важное донесение какому-то товарищу Москвину. Михаил пообещал, и бедняга умер спокойно. А Михаил даже не стал смотреть, что было написано на бумажке, зажатой в костенеющей руке. Пришлось товарищу Москвину обойтись без сведений, добытых ценою чьей-то жизни.

Но этот был ранен легко, и вырвав его практически из зубов разъяренных тварей, Михаил с Гариком отвели его в убежище. Придя в себя и поудивлявшись на то, как они тут живут, гость, назвавшийся сталкером Петром Дроздовым, в свою очередь, рассказал им, что творится в метро, откуда Михаил с Ланкой ушли еще в первый год после Катастрофы.

- Лучше вам туда не соваться, – то и дело повторял он, словно бы они только и ждали случая всем бункером переселиться в метрополитен. – Там сейчас чужаков не жалуют, всем шпионы мерещатся. Ганза, Четвертый рейх – все стараются вызнать, что там, у соседей.

- Четвертый рейх, говоришь? – изумился Михаил. – Это как же понимать?

- А вот так и понимай. Обосновались они на Пушкинской, Чеховской и Тверской, верховодит у них фюрер, и они предают смерти всех инородцев и мутантов, да еще, кажется, стариков и больных в придачу. – Петр вдруг замолчал и, проследив направление его взгляда, Михаил заметил, что тот уставился на Наташку, которая почесывала голову шестипалой рукой. А потом перевел взгляд на Гулю и Рустама с Джаником. Черноволосая малышка Сакина ползала у

взрослых под ногами и радостно гулила.

Гарик задумчиво сощурил глаза.

– Может, в чем-то они и правы. В древности слабые и больные не выживали, да и от стариков некоторые племена избавлялись. Потом люди расслабились, живя в комфорте, изнежились, выродились. Потому-то все так и произошло. А теперь опять нужны выносливые и сильные, а остальных надо отбраковывать, это лишняя обуза.

И, встретив озадаченный взгляд Михаила, внезапно разозлился.

– А что, старик, скажешь, неправда? Ты вспомни, что творилось в последние годы. Всех этих олигофренов и имбецилов даже нельзя было дебилами называть – нет, как можно, это просто «особенные» дети. С ними нянчились, выхаживали, на них тратили ресурсы. А в это время где-то другие дети умирали от голода. Вот ты, врач, неужели считаешь, что нужно поддерживать жизнь в хиллом и слабом? Может, лучше позволить ему умереть, чтобы не страдали остальные? Как же бесило меня это – разговоры про гуманизм, сюсюканье с отдельными детками, которым повезло родиться хоть ущербными, но у состоятельных родителей. Можно было подумать, что все проблемы уже решены, преступность изжили, теперь можно носиться со слабыми и увечными. И не замечать, что рядом по-прежнему идет жесткая борьба за существование, за место под солнцем.

– Тебе бы в прежние времена на телевидении работать. У тебя бы получилось, – сухо сказал Михаил, удивленный такой горячностью спокойного обычно Гарика. Парень, который, казалось, воспринимал жизнь легко и не был обделен чувством юмора, оседлав своего любимого конька, становился совершенно другим человеком. Видно, Катастрофа и ему подействовала на мозги, и он по-своему искал объяснение случившемуся. Ну как же, ведь одним из основных вопросов современности, после «Что делать?», всегда было: «Кто виноват?» Но надо было отдать должное Гарика – в наблюдательности ему отказать было нельзя. По крайней мере, будучи и сам сыном небедных родителей жизнь он видел не сквозь розовые очки.

Гуля смотрела на мужа своими непроницаемыми раскосыми глазами.

Неизвестно, что поняла она из этого разговора, но, похоже, эти рассуждения ей

не нравились. Ее бы первую в Рейхе и отбраковали, подумал Михаил, вспомнив, как истинные арийцы относились к людям иной расы. Гарик, конечно, был человеком душевным, но когда пускался в теоретические рассуждения, хотелось иной раз заткнуть уши. А он, кажется, даже не понимал, что несет.

– И что же, все сидят в своих общинах и к чужим не суются? – спросил Михаил, чтобы отвлечь Гарика.

– Ну почему не суются. Торгуют друг с другом помаленьку. Главное – документы при себе иметь. Когда на другую станцию приходишь, первым делом их проверяют, а у меня такие документы, что везде пускают. Потому что я – сталкер. Добытчик, – похвастался гость.

Не сразу, но поделился Петр и своими соображениями о том, что кто-то выжил в подвалах МГУ.

– У нас ходит легенда об Изумрудном городе, – сказал он. – О том, что ученые наладили там почти такую же жизнь, какая была до Катастрофы, но к себе не пускают никого.

– Разумно, – согласился Михаил. – Я бы тоже не пускал, если бы у нас тут была райская жизнь. Да только сомневаюсь я, что там кто-то уцелел. Пару раз я, правда, видел людей возле реки, но мне кажется, это были разведчики из метро, как ты. Да только вот что странно. Ведь говорят, что в подвалах МГУ морозильные установки работали, потому здание и могло стоять. Там ведь воды грунтовые. А как же оно теперь стоит?

– Значит, ты тоже видел, что стоит? – тихо спросил Петр.

– Да ведь с берега реки, где мы были, его хорошо видно, – удивился Михаил.

– А у нас считают, что это морок один. Что оно уже рухнуло давно, – произнес Петр. – Просто мы хотим его видеть – вот и видим.

– Не может быть, – уверенно сказал Михаил. – Ладно б одному померещилось, но если нескольким в разное время... Просто, может быть, это все байки.

- Насчет Изумрудного города?

- Насчет морозильных установок. Может, не было их никогда.

- А насчет туннеля Метро-2, который ведет в Раменки – тоже байки? Говорят, правда, что по Раменкам так жажнули – ничего не уцелело, весь подземный город разнесли к чертям. Но это ведь только слухи. Может, сохранилось там убежище, и те, для кого его отрыли, живут себе припеваючи.

- Не знаю, – честно сказал Михаил. – Может, и есть туннель, да что нам с того?

- А тебе никогда не хотелось сходить на разведку? Может, там лучше, чем здесь.

- Смеешься? – спросил Михаил. – Мы из метро с женой пришли сюда, а ты меня обратно в метро хочешь позвать?

- А вы откуда пришли? С Киевской? Там сейчас богато живут, на Киевской. Кольцевая и прилегающие станции сейчас – территория Ганзы. Торговое государство, граждане его едят досыта и за жизнь свою более-менее спокойны. Конечно, все относительно, брат. Метро – это особое место. В туннелях всякое случается, и никто не может сказать, что ждет его завтра. Там же, на Киевской, по слухам, люди пропадают.

- Как – пропадают? – удивился Михаил. – Куда?

Он тут же вспомнил, что Ланка в свое время рассказывала то же самое. А он тогда думал, что это просто бабские сплетни, слухи.

- Если б знать, брат. Пропадают – и все. Утром глядь – одного, другого недосчитались. И никто их больше нигде не встречает, вот ведь в чем штука. Там, понимаешь ли, туннели к Парку Победы завалили. Нехорошая какая-то вышла история – там ведь люди живые остались. Не иначе, прокляли они тех, кто завалил, перед смертью. И все же я считаю, поторопились вы сбежать. Конечно, пока державы друг с другом воевали, людям несладко было.

- Державы? – удивился Михаил.

– Ну, Полис, Ганза, Рейх, Красная Линия. Остальные альянсы я и не считаю – некоторые одну-две станции занимают. У нас там прям феодальная раздробленность наступила. И везде корочки показывай, а кое-где и пригоршню патронов вдобавок сунуть приходится, чтоб пропустили, – пригорюнился было сталкер, но вскоре вновь оживился. – И все же теперь в некоторых местах живут совсем неплохо. Если ты хороший лекарь, ты мог бы пригодиться в Полисе, брат. Это на Библиотеке Ленина и трех соседних станциях. Там сидят ученые и вовсе не голодают. И даже свет не экономят. Последний оплот науки, так сказать, вот и не жалеют для него ничего.

– Ну какой я лекарь. Так, недоучка. А на Спортивной что сейчас? – спросил Михаил, вспомнив вдруг людей, которые забрали маленького Матвея.

– До Спортивной отсюда тяжело добраться, – сказал сталкер. – И я бы не советовал. Там – территория Красной Линии. И хотя сами жители уверены, что лучше их государства нет, и товарищ Москвин – великий вождь и учитель...

– Кто такой товарищ Москвин? – перебил Михаил. В памяти вновь всплыли слова умирающего: «Передайте товарищу Москвину...»

– Генсек Красной Линии. Они на него там прямо молятся. А если кто недоволен, то у них есть специальные лагеря для недовольных – прямо как в не столь отдаленные времена, брат. Потому туда лучше вам не соваться – у этих бдительность на высоте. Да вообще-то и на Ганзе подозрительно относятся к бродягам. И все же на твоём месте я бы задумался. Как случилось, что вы ушли от людей и поселились здесь, на отшибе?

Ланка ничего не сказала, просто вышла. Михаил подумал, что сейчас она забьется куда-нибудь и снова будет плакать, вспоминая, как их травили в метро. Он не хотел рассказывать о своих проблемах практически постороннему человеку, но и врать не хотелось. И он коротко объяснил – почему. Потому что их не хотели оставить в покое – а они ведь даже не кровные родственники, и вообще, кому какое дело до их жизни?

– Не осуждай людей, брат, – сказал гость. – Тогда, сразу после Катастрофы, все только и искали, на ком выместить свой страх. Вы просто подвернулись под горячую руку. На самом деле ничего такого тут нет – вот если бы ты, к примеру, убил отца и женился на матери, их можно было бы, наверное, понять. А вы из-за

сущей ерунды пострадали. Сейчас бы вас за это не осудили – теперь и многоженство грехом не считается. Ведь и так слишком мало детей рождается в метро – люди умирают куда быстрее.

Михаил краем глаза заметил, как вздрогнула при этих словах Тина.

– Так что подумай все же, брат. Ведь когда-нибудь продукты у вас кончатся, – рассудительно сказал гость.

– Можно охотиться, – неопределенно сказал Михаил, которому любознательность нового знакомого уже казалась подозрительной. – Кстати, слушай, друг, не знаю, на кого ты работаешь – на красных, белых или коричневых, но надеюсь, ты не будешь, вернувшись в метро, звонить о нашем бункере направо и налево?

– Нет, прям первым делом побегу докладывать, – огрызнулся тот. – За кого ты меня принимаешь? Я добро помню. И ни на красных не работаю, ни на коричневых – это ты про ганзейцев, что ли? Или про фашистов? А белых у нас и нет. Я – вольный добытчик, сам по себе. И понимаю, что коли вы тут живете наособицу и к людям не стремитесь, значит, есть у вас на то причины. Да и на что вы нашим сдались? Думаешь, как только узнают, сюда отряд придет – вас завоевывать? Что тут взять-то? Чем поживиться?

Михаил вздохнул. Он вспомнил, как разгорелись глаза Максима и Ирки, когда они слушали дядю Петю. Старшие-то в метро не хотят. А вот дети...

– Но если вдруг припрет и сам придешь, то спроси Дрозда – меня там всякий знает, я один из первых сталкеров. – В голосе гостя зазвучало самодовольство. – Отплачу за гостеприимство, помогу, чем могу.

– Это так теперь добытчики называются? – усмехнулся Михаил. – А ведь мы, по сути, мародеры. С каких пор мародерство стало почтенной профессией?

Он тут же испугался, что гость обидится. Но тот лишь глянул снисходительно:

– С тех самых пор, брат, как походы наверх стали смертельно опасными. Как тут у вас, неужели твари не донимают? Да и радиацию никто не отменял.

– И то верно. Ладно, друг, спасибо за приглашение, но нам и тут хорошо, – устало сказал Михаил.

– Это вам пока хорошо – до поры до времени, – заметил сталкер. – Пока генератор не сломался, пока не набрели на вас какие-нибудь выродки числом поболее. Неужели со всеми проблемами сами справляетесь? На все руки мастера?

– Я – врач, – ответил глава бункера. – Ну и в технике кое-что понимаю.

– Неужели удастся всех лечить?

– А разве в метро не умирают от болезней? – вопросом на вопрос ответил Михаил.

– Так-то оно так. И от болезней, и от мутантов. Да и от голода. И нищих там полно, и даже ходят слухи, что на отдаленных станциях лучше не появляться одному – а то пропадешь и концов не найдут. По слухам, там не брезгают и человечинной. Да только все равно не годится людям жить обособленно. Не хочу тебя пугать, но я тоже кое-что повидал. У тех, кто людей сторонится, начинают потом происходить нехорошие всякие вещи. Скажу напрямик – от людей чаще сектанты всякие скрываются.

– Мы – не сектанты, – сухо ответил врач. Про себя же подумал, что гость ткнул как раз в больное место. Скоро начнутся проблемы с топливом для генератора, да и сам генератор сколько раз уже ломался, и восстанавливать его удавалось буквально каким-то чудом. И все же то, что сталкер рассказывал о жизни в метро, его не радовало.

Михаил снова вздохнул. Значит, в метро по-прежнему грызутся. Он так и думал – там, где собирается много народу, ничего хорошего не жди. Вот здесь у них – другое дело. С тех пор как не стало дяди Гены, в котором, несмотря на добрую улыбку, чувствовалось все же что-то акулье, в бункере, по мнению Михаила, жила словно бы одна большая и дружная, трудолюбивая семья, состоящая из нескольких взрослых и детей – те даже называли всех женщин мамами. Вот только Тина... Тина портит картину, подумал он. Надо же, в рифму получилось. Но в сущности и Тина не такая уж большая проблема, зато какие у них выросли дети! Конечно, бледные, тощие, но на удивление здоровые и сообразительные – кроме, разумеется, Сакины. Но она – такая милая девочка, что невольно

забываешь о ее ущербности. Взрослые постарались привить детям понятия о добре и зле и, кажется, это им удалось. А что те дерутся иногда – ну как без этого? Они с Ланкой в детстве тоже нередко дрались, это проходит со временем. Зато здесь, вдали от суеты и соблазнов, неизменно сопутствующих большому скоплению народа, видя перед собой только положительные примеры родителей, молодежь вырастет их достойной сменой. И возможно, сумеет положить начало новому сообществу, основанному на справедливых принципах. Когда-нибудь радиационный фон снизится и они смогут выйти на поверхность и будут бережно относиться к тому, что им достанется. По правде говоря, им чуть ли не все придется начинать с нуля. Зато экология будет не в пример лучше – теперь, когда все производство встало и некому больше засорять окрестности, и даже вода в Сетуни из бурой вновь стала прозрачной.

И глядя сейчас на пришедшего в себя неизвестного, глава бункера уже прикидывал, что надо по возможности меньше подпускать к нему детей.

– Не волнуйся. Здесь тебе плохого не сделают, – мягко сказал он. – Мы тебя нашли раненого.

– Это лемуры, – пробормотал тот. – Они сначала ласковые такие... а потом как прыгнут.

Михаил поморщился.

– Как тебя зовут?

Тот нахмурился, словно не мог вспомнить.

– Стас, – нехотя проговорил он, когда Михаил уже думал, что не дождется ответа. – Станислав Барханов.

– Ты из метро? – спросил врач. В душе он все-таки надеялся на положительный ответ – это было бы меньшим злом.

– Нет, бери выше, – слабым голосом проговорил тот. И в ответ на недоуменный взгляд Михаила пояснил:

– Я с Рублевки.

У Михаила отвисла челюсть. Только этого еще не хватало.

– Есть ли жизнь за МКАДом? – задумчиво пробормотал он, пытаясь собраться с мыслями. – Науке об этом ничего не известно. И откуда же ты конкретно, если не секрет? Рублевка, как известно – понятие растяжимое.

Вновь припомнилась тайна, которая тяжким грузом лежала на душе. Тайна, которую врач не хотел доверять никому. И грешным делом, он на секунду подумал, что гость тоже из тех. Грозилась же они прислать кого-нибудь по его душу. «Может, – пришло Михаилу в голову, – это все постановка? Охотники на людей решили, что лучше действовать хитростью? Подбросили своего лазутчика, чтобы я своими руками притащил его в бункер? А потом тот откроет двери своим изнутри – и те перебьют нас, как кроликов? Рискованная затея. Ведь я мог пристрелить неизвестного. Или они знали, что я сейчас – едва ли не единственный охотник? А что я лекарь, я сам им сообщил, и расчет был на то, что врач не станет убивать? Да ведь они и жизнями своими не особо дорожа, если их послушать. Для них это – азартное развлечение, а риск лишь добавочный адреналин».

Известие насчет Рублевки ничего не проясняло, надо было сперва вникнуть, что это такое и чем грозит.

– Меня оттуда выгнали, – уточнил гость.

– Откуда – оттуда? Что там вообще происходит?

– Там – фараон. И слуги его... опричники хреновы. Сатрапы. – Гость тяжело дышал, Михаилу показалось, что он опять бредит.

– Какой фараон?

– Рамзес первый.

Михаил пощупал лоб несчастного.

– Давай-ка я тебе укол сделаю, поспишь. Проснешься – и мозги на место встанут.

– Не надо! – вдруг дико заорал тот, увидев, как Михаил приближается к нему со шприцем. Рванулся было – и тут же вновь бессильно рухнул на койку. Михаил быстро протер место укола ватой, смоченной в спирту. Спирта пока было много, принесли изрядный запас из аптеки неподалеку, и врач держал его у себя под замком. В основном от Гарика – женщины, к счастью, алкоголем не интересовались, а подростку Рустаму воспитание не позволяло. Михаил никогда не задумывался, чему его учит Гуля, воспитывает ли в вере своих родителей, но какие-то понятия парень словно впитал с молоком матери.

После укола раненый расслабился, сонно зевнул, вытянулся на кровати.

– Гасты вам еще покажут, гады, – пробормотал он и отключился. Михаил вздохнул и вышел из медотсека.

– Ну как? Рассказал что-нибудь? – спросила Тина, встретившаяся ему в бетонном коридоре. Она выглядела усталой и осунувшейся, прямой нос заострился, волосы свисали вдоль лица унылыми прядями.

Врач покачал головой.

– Чушь какую-то несет. Про фараона... Почему так много съехавших вокруг?

Вопрос был риторическим. Михаил и сам понимал – тонко устроенная человеческая психика давала сбой в новых условиях. Его, скорее, интересовало другое – как несчастный безумец ухитрился выживать двадцать лет после Катаклизма? Или у него крыша поехала только недавно? Ладно, вот очнется опять – и они все узнают. Если очнется...

Мысли Михаила вновь обратились к событию годичной давности. Ему не повезло тогда. Сильно не повезло. Он вышел охотиться – один, Гарику нездоровилось. И мало того что охота была неудачной, его подкараулили. Прямо там, возле Сетуньского Стана. Приставили пистолет к затылку, завели в подъезд одного из старых домов. Он пытался сообразить, кто они. На обоих – новенькая химза, панорамные противогазы, да и автоматы выглядели так, словно только что со склада. Какой-то бункер обнесли? Михаил вздохнул. Он от такого костюма сам бы не отказался.

– Кто вы? Что вам надо? – спросил он скорее устало, чем со страхом. За себя он не особенно боялся, куда больше – за женщин и детей. Без него они пропадут.

– Хороший вопрос, – усмехнулся тот, что пониже, голос его глухо звучал из-под маски. – Мы молимся Мертвой матери, друг. Наше дело – разрушить остатки цивилизации и самим уйти со спокойной душой. Пойдем с нами – поджигать и взрывать.

– Само развалится, – отказался Михаил. – Я не могу, у меня жена, дети.

– Жена, дети – это все теперь лишнее, друг. У некоторых из нас есть подруги, но они зажигают с нами. И если кто-то гибнет при этом, то это легкая, быстрая, благословенная смерть. Значит, он угоден Мертвой Матери. Подумай как следует.

– Увы, я еще не готов, – развел руками Михаил.

– Чем ты занимаешься по жизни, друг?

– Я – лекарь, – не подумав, брякнул тот. В голове крутилось почему-то: «Не друг я тебе, гнида», но озвучивать свои мысли Михаил благоразумно не стал. Это было бы по меньшей мере неосторожно, если он надеялся вернуться к близким.

– Очень плохо, друг. Ты помогаешь жизни вместо того, чтобы помогать смерти. Разве смерть не явила себя во всей своей грозной красе два десятка лет назад? Неужели и это не убедило тебя, что жизнь проиграла? Где ты живешь, друг?

– В метро. – Михаил твердо решил не выдавать сектантам убежища.

– Очень плохо, друг. Ответ неверный. Отсюда до любого метро замучаешься добираться. Ты думаешь, мы не знаем о твоём бункере? Мы знаем обо всем, что творится вокруг. Мы могли бы убить тебя, но Мертвая Мать дает тебе время одуматься. У тебя год на размышления. Если по истечении этого срока ты не присоединишься к нам, то в любой момент можешь ожидать нас в гости. Мы придем внезапно, ты не успеешь защитить своих. Пока нам не до тебя, но ваше убежище должно быть разрушено в свой черед. Мы придем. И подарим вам красивую смерть. Ты знаешь, как умирают наши больные, друг? Когда они видят,

что у них нет сил ходить с остальными, не желая быть обузой, они просят подарить им красивую смерть, отправить их к Мертвой Матери. Они снимают снарягу, и мы оставляем их у костра с запасом еды – и дров, если стоит зима. Даем оружие, чтобы они могли отбиваться от тварей или застрелиться, если хищников будет слишком много. И уходим. Через несколько дней возвращаемся и предаем огню останки, если что-то остается. Не правда ли, завидная участь? Мы тоже дадим тебе вдохнуть вольного воздуха, друг, перед тем, как уйдешь.

Михаил вдруг вспомнил, как однажды, когда он вышел наверх вместе с Максимом, им показалось, что на Сетуньском Стане горит костер. Но это было невозможно, немисливо, и они с сыном потом долго думали, что же такое можно было перепутать с отблесками пламени. Показалось ему или нет, что с тех пор Максим стал еще более замкнутым? Мальчик пугал его – он словно бы унаследовал характер матери с ее скрытностью и склонностью к мистике. Но теперь вот получалось, что объяснение загадки было вполне прозаическим – оставили там, у костра, умирать какого-нибудь беднягу.

Михаил очень удивился, что после такого внушения сектанты его просто отпустили. Он шел домой на ватных ногах и не мог успокоиться. Откуда такие берутся? Почему, когда у остальных хватает сил только кое-как выживать, они ухитряются придумывать еще какие-то игры – огненные, кровавые? Впрочем, разве так не было всегда? Одни влачат существование, другие развлекаются за их счет. Он относится к первым – и не жалеет об этом. Но если какие-нибудь бездельники решат задеть его семью, то как бы не пришлось им пожалеть об этом, пусть сила и на их стороне. Он – врач, хоть и недоучившийся, он знает клятву Гиппократова, пусть даже не успел ее принести в торжественной обстановке. Но никто не запретит ему в случае необходимости защищать своих близких с оружием в руках.

Сколько же времени прошло с тех пор? Кажется, около года и минуло. Михаил искренне надеялся, что за это время загадочные поджигатели успокоились либо вообще погибли. Могли же их сожрать мутанты? Но в глубине души он понимал – надо готовиться к худшему. И жил как на вулкане, каждый день ожидая незваных гостей. Ему было тем труднее, что поделиться этой бедой с остальными он не мог и не хотел.

Катастрофа: до и после

Больной наконец окончательно оклемался и сумел более-менее связно рассказать о себе. Михаил только диву давался – оказывается, на Рублевке возникла целая империя, существовавшая за счет рабского труда гастарбайтеров[1 - См. роман Сергея Антонова «Вселенная Метро 2033. Рублевка»]. Там окопались бывшие звезды, кое-кто из военных, и вся эта элита держала в подчинении рабов, были у них и связи с метро. По словам Стаса выходило, что он пытался бороться за права угнетенных, тем и заслужил немилость фараона – Рамзеса Садыкова, который, конечно, вовсе не был египтянином. И даже не фараона – тот, по слухам, был не таким уж гадом, но последние годы ото всех скрывался – предполагали, что учредителя империи уже и в живых-то давно не было, а его подручного, Умара Ахмаева по прозвищу Паук. Врач спросил, как же Стас ухитрился добрать сюда, в такую даль? Тот пробормотал что-то про дрезину и детей Дракона, про Кунцево и тамошних людоедов. Михаилу чудилось, что гость чего-то недоговаривает, но честно говоря, его мало интересовали рублевские расклады. Как-нибудь они там сами без него разберутся. Он просто принял к сведению, что и там есть выжившие, но пока они не угрожали их маленькой общине, врачу до них дела не было. Вот новость о дрезине его озадачила – ведь железная дорога проходила совсем недалеко отсюда. Иной раз ночью, когда он выбирался наверх, ему даже мерещился отдаленный стук колес, но он все списывал на глюки. Подумав, Михаил понял, что вдоль Сетуни проходит не та ветка, которая ведет в Жуковку – эта пролегла в сторону Матвеевского, а та, которую имел в виду Стас, находилась гораздо дальше от них, с другой стороны Кутузовского. Тогда тем более странно, как Стас приполз сюда из такой дали? Но тот уверял, что с какого-то момента вообще ничего не помнит. Если учесть, в каком состоянии Михаил его нашел, возможно, так оно и было. Хотя возможно и другое – гость все-таки из метро или, что еще хуже, из числа охотников за людьми. А все его рассказы про Рублевку – просто выдумка, уж больно неправдоподобно они звучат. Надо же такое придумать – про фараона! И на всякий случай он шепнул Гарику, чтобы тот глаз не спускал с пришельца. Хотя пока гость был слишком слаб, это было нетрудно, а когда окрепнет, хромой Гарик вряд ли сумеет с ним сладить в случае чего.

Врача беспокоило другое – казалось, что Ланка слишком много времени проводит у больного. Вновь ожили прежние подозрения. Может, эти двое были знакомы и раньше? Возможно, даже близко знакомы. То, что Михаил не помнил

Стаса по прежней жизни, ни о чем не говорило – Ланка мастерски умела шифроваться, а он мог просто не обратить внимания, даже если пару раз и встретился с ним где-нибудь. Лицо у Стаса было незапоминающимся, хотя, может, в молодости он был красавцем. Но если и впрямь что-то было тогда, давно, между ним и Ланкой, наверняка гость прекрасно понимает, что сознаваться – не в его интересах. Иной раз Михаилу казалось, что он сходит с ума – ну разве можно в любом виде видеть потенциального соперника? Вероятность того, что Ланка и их гость могли быть знакомы, стремилась к нулю. Но потом подозрения вспыхивали с новой силой.

Однажды он не выдержал и как бы невзначай спросил у Ланки:

– Мы не могли со Стасом встречаться раньше? Лицо его мне как будто знакомо?

Ланка поглядела на него с упреком. Он подумал, что сейчас она начнет уверять, будто никогда в прежней жизни их гостя не видела. Но она сказала совсем не то, чего он ожидал. Покачав головой, она тихо произнесла:

– Зачем ты привел к нам чужого, Миша?

– Ну, во-первых, не привел, а принес, – буркнул он. – Во-вторых, что же, мне надо было дать ему умереть там, наверху? Не по-человечески это, знаешь ли.

– Только не надо мне про свою клятву Гиппократову опять. Клятву врача дают, когда диплом получают, ты сам говорил, а ты – недоучка.

– Скажи спасибо и на том, – раздраженно произнес он. – Ты что же, поругаться хочешь?

– Я ничего не хочу, Миша. Но скоро наша жизнь изменится – и не к лучшему. С ним в наш дом явилось зло.

– Куда уж хуже-то, – огрызнулся он. Опять на нее стих пророческий нашел, как называл это когда-то покойный дядя Гена. С одной стороны, врач был даже рад, что Ланка настроена против чужака. С другой – а вдруг она притворяется, говорит это для отвода глаз, чтобы успокоить его подозрения. Как мало он знал собственную жену, с которой вместе вырос!

Михаил развернулся и ушел – решил, чтобы успокоиться, проверить снаряжение перед выходом. На Ланку без толку было сердиться. И ведь как она мастерски перевела разговор – на вопрос-то она так и не ответила. Всегда такая была.

Тогда, двадцать лет назад, незадолго до Катастрофы, Михаил и не подозревал, что у Ланки уже завязались с кем-то серьезные отношения. Тем летом запланированный ее отъезд в Питер все откладывался, чему он был несказанно рад, и она периодически таскала его с собой сопровождающим. С Ланкой он готов был даже по торговым центрам ходить терпеливо, а ей, как она объясняла, надо было собраться в дорогу как следует. Почему придется нельзя было в Питере, где наверняка полно было таких же магазинов, он не понимал. Как не понимал и то, почему она вдруг изменила своим вечным сарафанам, которые сама себе шила. Кажется, тогда и появился у нее на шее тот серебряный амулет на шнурке – или это случилось раньше, еще в пору увлечения реконструкторами? Он ругал себя потом, что многого не замечал, невнимателен был к ней. Она постоянно щебетала что-то вроде: «Миша, представляешь, тот парень сказал, что амулет должен быть медный, что наши предки не носили серебра, что серебряный не подействует. И думает, что он – самый умный. А мне его зарядили, это очень сильный амулет, женский, и серебро – самый подходящий материал, чистый». А он пропускал мимо ушей все эти ее глупости. А иной раз она начинала рассказывать ему, какое значение имела раньше вышивка на одежде – по ней можно было определить многое: возраст, семейное положение, принадлежность к тому или иному роду. Он посмеивался и говорил, что одежда и аксессуары очень информативны и сейчас. Например, можно уверенно утверждать, что вон тот парень в черном с подведенными глазами – гот. А кулон на шее девчонки в джинсах и майке выдает в ней поклонницу рок-музыки и фанатку группы «Пикник». Почему он не подумал, что перемены могли быть связаны с появившимся в ее жизни другим мужчиной? Не задался вопросом, кто заряжает ей амулеты, кому она доверяет, кого слушает? Видел только, что Ланка стала беспокойной, все валилось у нее из рук, иногда даже выходила из своей комнаты с покрасневшими глазами, но в ответ на расспросы только жаловалась на головную боль. Потом вдруг однажды утром в доме поднялась суэта, тетя Соня с перекошенным лицом выскочила из Ланкиной комнаты, вызвали «Скорую» и сестру увезли в больницу. Тетя Соня выкинула какой-то клочок бумаги в мусорное ведро – Михаил достал, развернул. Ланкиным детским, старательным почерком было написано: «Прошу в моей смерти никого не винить. Мама, прости». На журнальном столике валялась пустая упаковка из-под таблеток. Отец куда-то ходил, с кем-то разговаривал по телефону – речь шла о том, чтобы представить дело как случайность: если бы происшедшее признали попыткой суицида, Ланку упекли бы, как понял Михаил,

в психушку. Его трясло, он не мог понять, что произошло. Да, последнее время Ланка была какая-то нервная, но он думал, что это из-за предстоящего отъезда. Ему и самому было несладко, и теперь он клял себя за то, что, поглощенный собственными мыслями, чуть не проворонил сестру. Он не осуждал ее – бедная девочка, видно, просто запуталась в жизни, в своих переживаниях. Но лишний раз убедился – без него она пропадет, она слишком ранима и нуждается в постоянной опеке, иначе никакие амулеты не помогут. К счастью, Ланка вроде шла на поправку – ей вовремя сделали промывание желудка, и через полторы недели разрешили вернуться домой. Отец привез ее на машине – бледную, осунувшуюся. Перед этим он провел среди них разъяснительную беседу – чтобы ни в коем случае бедную девочку не ругать и вопросами не мучить. Пришлось Михаилу сделать вид, что согласен, хотя любопытство разбирало невыносимо. Тетя Соня, глотая слезы, к возвращению дочери испекла ее любимый яблочный пирог. Ланка приехала бледненькая, но в целом вроде такая же, как прежде, по непроницаемому лицу ее ни о чем нельзя было догадаться. Теперь за ней следили, и она это, кажется, понимала. Михаил всюду сопровождал ее в поездках, а она вроде ничего против не имела. Даже как будто опять стала лучше к нему относиться, но о случившемся молчала. И лишь постепенно он начал замечать произошедшие в ней перемены.

Лихорадочное беспокойство сменилось равнодушием человека, которому открыто то, чего еще не знают другие. Ланка теперь соглашалась со всеми проектами относительно своего будущего, которые озвучивала ее мать, и та радовалась, что девочка наконец-то взялась за ум. Но Михаил видел – Ланка смотрит на мать снисходительно, словно на ребенка, который придумывает какие-то планы, не подозревая, что сбыться им не суждено, что все уже давно решили за него. Мать ласково уговаривала ее готовиться к экзаменам, Ланка кивала, но как только оставалась одна, просто садилась, глядя в пространство и прислушиваясь к чему-то в себе. Будто ждала указаний свыше. Михаил гадал – что же ей открылось на больничной койке? Один раз попытался с ней осторожно поговорить.

– Ты совсем не хочешь заниматься?

– Какой смысл, Миша? – ласково, как несмышленому, ответила она ему. – Скоро все изменится, и книжные знания уже никого не спасут.

– О чем ты? – удивился он.

– Я о том, что конец света все-таки будет. Это ничего не значит, что по календарю майя он должен был случиться в декабре. Те, кто лежит под холмом, знают лучше.

Михаил похолодел. Неужели у Ланки все-таки с головой не в порядке? Для него это ничего не меняло, наоборот, в таком случае сестра еще больше нуждалась в его опеке. Он боялся того, что это заметят окружающие и Ланку все же попытаются упечь в психушку. И сам себе поклялся, что сделает все, чтобы не допустить этого.

В тот день он потащил Ланку в центр, чтобы она хоть как-нибудь развеялась. Но она по-прежнему была апатичной, жаркий июльский денек ее не радовал, и лишь когда они зашли в исторический музей, сестра слегка оживилась, разглядывая древние каменные рубила. Долго стояла в задумчивости перед витриной с бронзовым идиолом откуда-то из степей. Самому Михаилу идол казался отвратительным, но сестра слабо улыбалась, глядя на потемневшую от времени древнюю фигурку. По торговому комплексу «Охотный ряд» она вопреки его ожиданиям побродить не захотела, погулять по Александровскому саду отказалась тоже. Может, у нее было какое-то предчувствие? Ланка вдруг запросилась домой, и они спустились в метро. Их поезд уже подъезжал к Киевской, где им надо было выйти и сесть в троллейбус, как вдруг завывала сирена, поезд остановился.

Сначала казалось, что это недоразумение. Учебная тревога какая-нибудь. Потом, когда вырубилось освещение и поползли слухи, что все поезда встали, стало ясно, что это всерьез и надолго. Михаилу первым делом пришла в голову мысль об отце, о тете Соне – они были на работе. Что с ними? Хотелось верить, что все образуется. Но трезвый голос внутри твердил – это не так.

Ланка впала в ступор и все спрашивала:

– Миша, что же теперь будет? А как же Питер?

– Наверное, так же, – отозвался какой-то мужчина сбоку.

– Подожди, – говорил Михаил, – еще ничего не известно. Главное – спокойствие.

Забота о ней не давала ему самому впасть в панику.

Вскоре Ланка вспомнила о матери и расплакалась. Все твердила, что надо что-то делать, куда-то бежать, искать. Он совсем с ней замучился. А потом она впала в апатию и уже ни о чем не просила, только попить. С этим было плохо, правда, в туннеле обнаружился туалет, где из крана текла противная ржавая водица. Люди сидели тихие, подавленные. Тут и там слышались отдельные голоса:

- И как мы теперь? Вообще-то уже есть хочется.

- В подвальном этаже торгового центра вроде продуктовый был?

- Поищи дураков - туда соваться.

- Мама! Мамочка! Как же я теперь? - всхлипывала худенькая девушка лет пятнадцати в майке и мини-юбке, в кедах, с пластырем на пятке, скорчившись, обхватив себя руками. К ней придвинулась седая женщина в клетчатой рубашке и светлых брюках, обняла, погладила по голове.

Какой-то мужчина бился головой о колонну с жуткой монотонностью. Его пытались остановить - уж очень это было страшно даже на фоне всеобщего горя.

А сидевшие возле гермы слышали с другой стороны непрекращающийся стук.

- Может, открыть? - спросила одна из женщин.

- Ты что, сдурела? - немедленно отреагировал сидевший рядом мужчина. - Тут и так народу набилось - мама не горюй. Скоро задохнемся все. Да потом, если там ничего серьезного, то и открывать незачем. А если и вправду ядерный удар, то эти, снаружи, все равно уже не жильцы. Впустим, а они тут помрут, и куда потом трупы девать? Еще только эпидемии не хватало.

- Да не беспокойтесь, - язвительно заметил кто-то, - мы и без эпидемии долго тут не протянем.

Ланка сидела, как будто не замечая, что Михаил крепко обнял ее.

– Я знала, что этим кончится, – вдруг сказала она. – Что-то такое должно было случиться.

Михаил вздрогнул, но ничего не ответил. Он вспомнил их разговор за пару недель до этого. Неужели это просто чудовищное совпадение? Он боялся сознаться себе, что сестра начинает его пугать. К ним повернулась женщина в очках, сидевшая поблизости, и более внимательно посмотрела на Ланку.

– Разумеется, – сказала она. – Еще Эйнштейн сказал, что главным оружием четвертой мировой войны будет каменный топор. К тому все и шло.

– А вы откуда знаете? – встрял сидевший рядом мужчина. Разговор был явно ни о чем, но молчать было еще страшнее.

– Книги надо читать. Я вот в библиотеке работаю, интересуюсь историей, знаете ли.

– И толку-то от вашего интереса? Предупреждать надо было, раз такая умная.

– Так предупреждали, и не раз, но разве кто слушал?

Интересно, а правительство спаслось? – вдруг спросил кто-то.

– Это уж будьте спокойны. У них все на этот случай приготовлено заранее – бункеры по последнему слову техники, убежища.

– А может, они где-нибудь на другой станции? Ведь должен же кто-то объяснить, что теперь делать?

– Эх, батенька, неужели вы еще не поняли, что никто вам ничего не должен? Вот если б раньше побольше людей своим умом жили, глядишь, и не довели бы до последнего. А теперь – все. Дальше – сами. Выпутывайтесь, как знаете.

– Нет, может, это все же какая-то ошибка? Может, скоро объявят, что опасность миновала и можно выходить?

– А когда объявят? Вообще-то есть уже хочется.

Но спустя несколько часов стало ясно, что никто ничего объявлять не собирается, и полагаться придется только на себя. Обнаружили первый труп – у пожилой женщины, видимо, было плохо с сердцем. Ее отнесли в туннель. Среди перепуганных людей нашлись более хладнокровные, которые принялись потихоньку принимать решения и отдавать приказы. У кого случайно оказалась еда – сложили в одну кучу, потом попытались поделить на всех. Нашлись, впрочем, и такие, кто не желал делиться. Когда в туннеле обнаружился туалет, где была вода, люди наперебой стали предлагать способы очистки подручными средствами.

Ланка во всей этой суеде не участвовала – лежала на руках у Михаила, даже не плакала, только смотрела сухими глазами перед собой. Михаил тихонько баюкал ее. Раз уж так вышло, он готов был принять то, что случилось, лишь бы вместе с Ланкой. Он сразу почему-то понял, что это всерьез и надолго. И смирился. Но душа ныла – неужели это все? Ему ведь только двадцать четыре – несправедливо. Неужели всему конец – вольному ветру, яркому солнцу, зеленой листве, свету, радости? Неужели остаток дней придется провести под землей? Да и каков он будет, этот остаток? Сколько они протянут здесь – без еды, без самого необходимого?

Спустя пару голодных дней уже нашлись добровольцы, чтобы отправиться в подвальный этаж за продуктами, и в подсобке обнаружили несколько комплектов химзы. Добыткики принесли в основном консервы, крупы, макароны, чай, овощи, фрукты – объяснили, что многие продукты испортились, вонь стоит страшная. Впрочем, кое-какую колбасу и сыр захватили тоже, посчитав, что их еще можно рискнуть употребить в пищу – после обжарки. Сущим спасением стала лапша быстрого приготовления, но ее было не так уж и много, даже не хватило на всех. Принесли и воду в пятилитровых канистрах. Воодушевленные успехом, мужчины пообещали потом еще порыться в подсобке магазина. Тут же развели костры, в принесенных из соседнего отсека кастрюлях закипело варево. На еду люди набросились с жадностью, хотя сначала им раздали небольшие порции и предупредили, что после голодовки объедаться вредно. Но потом пожилой мужчина схватился за живот, скорчился.

– Есть врачи? – крикнул в толпу один из командиров.

Михаил нехотя поднялся, оставив Ланку, подошел, попытался осмотреть несчастного.

– Заворот кишок, похоже, – сморщившись от собственного бессилия, сказал он.

– И что делать?

– Ничего. Разве что обезболивающего дать. И попробовать сделать клизму. Может, я ошибся и само пройдет.

Выделили одну из комнат под лазарет. Но несмотря на принятые меры, мужчина к вечеру скончался. Известие об этом было воспринято остальными как-то даже равнодушно. Однако возникла мысль собрать все лекарства, какие найдутся у людей, в лазарете. Нашлось, впрочем, немного.

Спустя несколько дней умерли еще люди, а Михаил заметил, что Ланку тошнит. У нее пучками лезли волосы. Она все время лежала. Он чуть ли не силой заставлял ее встать и немного пройтись, чтобы размяться. К тому времени народу на Киевской стало меньше – несколько десятков человек ушло по туннелям на другие станции. Впрочем, и с соседних станций некоторые приходили к ним – после первого шока люди стали интересоваться происходящим вокруг. А Михаилу было безразлично, где находиться. Он нянчился с Ланкой и как мог, помогал остальным. Заботы помогали ему отвлечься от жутких мыслей о том, что с ним будет, когда она умрет. Видно, не стоило ей пить ту воду. Позже наладили ее очистку, но в первый момент никто об этом не подумал, и наверняка вода была сущей отравой.

Он пытался кормить ее насильно, отдавал свою порцию, но она отворачивалась. Как он сможет жить без нее? Он все перенес – и гибель мира, и потерю родителей, но ее смерть его доконает. Ее лицо осунулось, тусклые волосы слиплись, ей было, видно, уже безразлично, как она выглядит. Михаил старался держать себя в руках, говорил с ней наигранно-бодрым голосом, и лишь когда она не могла его видеть, с лица его сползала натянутая улыбка.

Он потерял счет дням, тем более что на станции день переходил в ночь почти незаметно. Постепенно организовали освещение благодаря генератору. Вроде бы жизнь налаживалась, но какая же убогая. И Ланка, как ни странно, еще держалась, хотя ее иной раз прямо-таки наизнанку выворачивало, и люди брезгливо сторонились ее. Михаилу стоило большого труда убедить остальных, что сестра не заразна, что, скорее всего, она схватила дозу. Но у него-то

подобных симптомов не наблюдалось – может, ему просто меньше досталось той водицы?

Люди, раньше старавшиеся сбиться в кучу, теперь, придя в себя, как могли отгораживались друг от друга – хоть ширмой, хоть занавеской. Кажется, в это время и появились на станции первые палатки, счастливые обладатели которых могли наслаждаться подобием уюта и уединения. Михаилу как врачу тоже выделили палатку – пусть старенькую, но он был рад и тому. Появилась возможность укрыть сводную сестру от посторонних недобрых глаз.

И вдруг, спустя примерно месяца полтора, тошнота у Ланки прекратилась. Словно бы услышаны были его молитвы, а может, его усилия ее спасли. Она как будто волшебным образом выздоровела. К этому времени люди на станции успели уже друг к другу присмотреться, постепенно складывалась новая иерархия. Кто-то принялся руководить, кто-то послушно выполнял указания. Кто-то даже пытался спорить, но таких быстро затыкали, грозя изгнанием. Парочку особо строптивых и впрямь выгнали со станции. Михаила не трогали – он доказал, что может быть полезен. А вот на Ланку косились. Особенно одна из женщин, Алла, быстро сориентировавшаяся и старавшаяся выслужиться перед новым начальством. Была она бабой простой и неумной, но хитрости ей было не занимать. Она лебезила перед сильными и покрикивала на смирных. Попыталась как-то прикрикнуть и на Ланку, бесцеремонно заглянув к ним в палатку:

– Сегодня – твоя очередь по кухне дежурить. Давай, ноги в руки – и вперед.

Ланка даже головы в ее сторону не повернула, чем непомерно ее разозлила.

– Ишь, разлеглась, как барыня. А кто за тебя работать будет? Тунейдцев здесь не надо – можешь в два счета со станции вылететь. Кое-кого уже выгнали – дышать свободней стало.

– Не трогай ее, она больна, – вступился за Ланку Михаил.

– Не больна, а беременна, это разные вещи, – ехидно парировала Алла. – От этого еще никто не умирал. Не она первая, не она последняя.

Ланка отвернулась и разрыдалась, Михаил принялся ее утешать. Вредная баба, покричав еще и так ничего и не добившись, ушла куда-то – возможно,

жаловаться начальству. А Михаил задумался, пораженный открывшейся ему истиной и своей слепотой. Ну ладно, допустим, он хоть и врач, но не по женской части. Но как ей удалось все скрыть от него? Как он проворонил Ланкиного сердечного друга? Он стиснул зубы, кулаки сжались сами собой. Кто это был – один из его знакомых? Почему она держала все в такой тайне? Впрочем, это-то понятно – его боялась. Она ведь знала, как сводный брат относится к ней. Не из-за этого ли она травилась? А может, Ланка не считала происшедшее поводом для знакомства и никаких серьезных отношений не было – так, эпизод. Да нет, что за глупости? В чем он подозревает сестру? Она – серьезная, впечатлительная девочка, какой-то мерзавец заморочил ей голову. Видимо, у нее просто крышу снесло. Наверняка это было первое ее сильное чувство – жаль, что не к нему. Он сам виноват, что не сумел стать для нее единственным. Увлеклась каким-нибудь ярким харизматичным гадом – в ее возрасте это естественно, внешнюю эффектность предпочитают надежности и стабильности. Интересно, тетя Соня знала? И не по этой ли причине планировался отъезд в Питер? Хотя избавиться от ребенка можно было и в Москве. А хотела ли она избавляться? Что она вообще думает? И где он теперь, этот тип? Впрочем, наверняка сгинул где-нибудь. И без толку уже злиться на него – ему-то пришлось хуже, а вот они пока живы, пусть это и с трудом можно назвать жизнью.

Хотела она детей или нет, но теперь ей по-любому придется рожать. Избавляться от ребенка на таком сроке рискованно, даже если бы они обратились в хорошую клинику. А теперь и обратиться некуда – лекарств почти нет, инструментов тоже. Эта мысль не вызвала у него ужаса, он только подумал, что в новой жизни и взрослым-то тяжело, а каково будет ребенку? Он сразу решил признать младенца своим. Не учел лишь того, что когда проводили перепись населения станции, чтобы выдать людям хоть какие-то документы, назвался Ланкиным сводным братом. Что сводный, быстро забыли, что брат – запомнили. И когда Ланкино положение уже невозможно было скрывать, по станции поползли пересуды. Особенно злорадствовала Алла.

– Между прочим, когда брат живет с сестрой, у них рождаются дети с хвостами, – заявила как-то она. – Из-за таких, как вы, все и случилось. Кара нас всех постигла. Чтоб вам сдохнуть!

Откуда она это взяла? Михаил мог бы прочесть ей лекцию о родственных браках, о генетике, о вырождении, но не видел смысла. Тем более он-то знал, что на самом деле малыш никакого отношения к нему не имеет. А дело дошло уже чуть

ли не до руководства. Михаил удивился – вроде не так уж много времени прошло с того момента, как прежняя жизнь рухнула, а из людей уже поперло такое... Впрочем, может, это всегда сидело внутри у большинства из них, просто до поры до времени было загнано внутрь, а теперь вот и полезло наружу.

Начальник станции, слегка помявшись, сказал:

– Ты это... Не подумай, что я против тебя что-то имею. Но лучше бы ты свою сестру отправил куда-нибудь. Люди всякое болтают... Сам знаешь, обстановка и так нервная, а тут еще вы на мою голову.

– Куда я ее отправлю? У нее здесь никого, кроме меня, нет. Дай ей родить спокойно, а потом мы уйдем, – предложил Михаил.

– Ты пойми, я против тебя ничего не имею. Ты – лекарь. Человек полезный. А она как-то особняком держится. Помогать не хочет, никакой пользы от нее, – вздохнул тот. – Да еще, говорят, колдует.

Михаил, решив, что ослышался, впился глазами в лицо начальника.

– Чего?

Тот смутился.

– Да ведь не я же это говорю. Но бабы-то наши беспокоятся. Говорят, она камни и кости какие-то перед собой раскладывает и бормочет непонятное. Кто-то уже решил – мол, воду отравить хочет.

– Вода здесь и так хреновая, – сказал Михаил. – Ладно – женщины, хотя двадцать первый век на дворе, странно, что еще кто-то в такие бредни верит. Но вы-то, взрослый человек.

– А я и не верю, – отводя глаза, сказал начальник. – Но сам посуди, что мне с бабами оголтелыми делать? Уже предлагали наверх ее выгнать, пусть там своим колдовством занимается. Мол, раз она – ведьма, то ей и радиация нипочем. Но я же не зверь какой, понимаю. Долго ей еще осталось? Когда рожать-то ей?

– Не знаю, – честно сказал Михаил. – Только уж не трогайте ее пока, у нее здоровье слабое, она не из вредности лежит. Я отработаю, если что.

– Ладно, – вздохнув, согласился начальник. И Ланку действительно больше не трогали. Видно, Алле сделали втык, и с тех пор, проходя мимо, она только презрительно поджимала губы. Но слухи ползли. Женщины в Ланкину сторону только что не плевали. Михаил только диву давался, как быстро слетел с людей налет цивилизации. Или они так легковверны, что готовы принять за правду даже очевидную чушь? А главное – он видел, что и Ланке несладко, что ей тяжело здесь. Нелегко было всем. Но большинство как-то приспособилось, привыкло, что жизнь теперь будет вот такая. А она привыкать не хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман Сергея Антонова «Вселенная Метро 2033. Рублевка».

Купить: https://telnovel.com/ru/kalinkina_anna/metro-2033-setun

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)